

Новелла Жана Дютура «Закат волков» : модус комического

Фель Е. Л.

*кандидат филологических наук, старший преподаватель Харьковского национального
фармацевтического университета, Украина*

АННОТАЦИЯ

В статье рассматривается творчество французского писателя XX–XXI века Жана Дютура, акцент делается на роли комического и его форм в новелле писателя «Закат волков». Переосмысливая традиционный сюжет о слабом и сильном в модусе комического, автор наполняет его современными реалиями и придает ему актуализированные смыслы современной истории.

Ключевые слова: Дютур, комическое, модус, парадокс, ирония, басня, новелла.

The novel of Jean Dutourd «The Decline of Wolves» : the comic modus

SUMMARY

The article deals with the literary work of the French writer of the 20th and the 21st centuries Jean Dutourd. The author emphasizes the comicality, its role, and its forms in short storie by Dutourd «The Decline of Wolves» («Le Crépuscule des loups»). Recomprehending the traditional plot about the weak and the strong in the comic modus, Dutourd fills it with contemporary realities and adds actualized senses of the modern history.

Key words: Jean Dutourd, the comicality, modus, paradox, irony, fable, short story.

Новела Жана Дютура «Захід вовків» : модус комічного

АНОТАЦІЯ

У статті розглядається творчість французького письменника XX–XXI століття Жана Дютура, акцент ставиться на ролі комічного та його форм в новелі письменника «Захід вовків». Переосмлюючи традиційний сюжет про слабого та сильного в модусі комічного,

автор наповнює його сучасними реаліями й надає йому актуалізованих змістів сучасній історії.

Ключові слова: Дютур, комічне, модус, парадокс, іронія, байка, новела.

Французский писатель Жан Дютур (Jean Dutourd, 1920 – 2011) оставил после себя значительное литературное наследие. Весомое место в нем занимают малые прозаические формы: эссе, сатирико-юмористические трактаты, наставления, басни, новеллы, которым до сих пор уделялось достаточно мало внимания во французском и в отечественном литературоведении. Писатель является знаковой фигурой современной французской литературы: один из самых читаемых авторов, лауреат многих престижных литературных премий, член Французской национальной академии наук и член Бордосской академии литературы и искусств. Творческое наследие его поражает своим объемом и жанровым многообразием.

Человек активной жизненной позиции, Дютур соединил в своем творчестве глубокий и заинтересованный анализ современного мира с общечеловеческими ценностями. Каждое его произведение вызывало бурную реакцию в прессе, так как Дютур, как верно, заметил один из критиков, автор, который нравится одним и вызывает раздражение у других, в сущности по одним и тем же причинам: он прямо и открыто, но с неперменной долей насмешливости пишет и говорит о самых насущных проблемах современной эпохи. Его стиль – это органический сплав иронии, легкого пессимизма и прозорливости, поскольку Дютуру, как всем великим авторам, присуще, по мнению Б. Леконта, «ощущение трагизма жизни» [9, р. 38].

Малые жанровые формы Дютура составляют значительную по объему часть творческого наследия писателя (три сборника моралите и басен, сборник философских сказок и сборник новел, сатирико-юмористические «пособия» для любителей анонимных писем и журналистов) и имеют непреходящую художественно-эстетическую ценность как оригинальное явление современной литературы. Однако в монографиях французских авторов П. Гофмана, Б. Леконта, А. Покара и Ф. Тайандье жанры малой прозы Дютура: моралите, басни, парафразы, новеллы, «анонимные письма» не рассматриваются ни в проблемно-тематическом, ни в поэтологическом аспектах. А исследование данных малых жанровых форм писателя расширяет видение его творчества, как творчества одного из самобытных представителей современной французской литературы, с другой стороны –

способствует включению в научный оборот знаковой фигуры мирового литературного процесса.

Отечественный исследователь творчества Жана Дютюра, А. Михилев, называет его «крупнейшим представителем французской художественной культуры второй половины XX века» [2, с. 7]. Он видит предвзятость отношения значительной части французской критики к писателю в «пронизывающем все его творчестве духе нонконформизма, духе несогласия с ментально-идеологическим климатом нынешней эпохи, которую он последовательно не приемлет и аргументированно критикует» [2, с. 7-8].

Эта критика осуществляется Дютуром в присущей ему манере модуса комического в его преимущественно ироническом и язвительно-саркастическом вариантах. Об этом свидетельствует и его сатирический роман «Свежее масло», саркастически-насмешливые оригинальные жанры вроде трактата о журналистике «Распродажа готового платья идет полным ходом» («*Ça bouge dans le prêt-à-porter*») и «малого наставления» для составителей анонимных писем «Друг, который желает вам добра» («*Un ami qui vous veut du bien*») и его пристрастие к таким назидательно-сатирическим жанрам, продолжающим традицию вольтеровского философского рассказа, как философская сказка, басня и моралите.

Говоря в послесловии и предисловии о замысле сборника «Закат волков» и об их источниках, Дютур прямо ссылается на Эзопа и Лафонтена. Именно они, по его признанию, и опробованная ими форма восприятия мира как «человеческой комедии ... во всей его жестокости (*dans toute sa brutalité*): люди – животные, каждое из которых рвет добычу когтями в соответствии с длиной своей лапы» [5, р. 7] являются для Дютюра образцом для осмысления нравов современной эпохи. Признавая, что нравы со времен Эзопа и Лафонтена практически не изменились, Дютур все же считает, что современные хозяева жизни стали более замкнутыми, чем в античности, а современные монархи – более абсолютными, чем в XVII веке, в силу чего там, «где Эзоп и Лафонтен видели лишь серое, там сейчас появилось темное» [5, р. 7]. Здесь же Ж. Дютур дает и свое лаконичное, но выразительное определение жанра басни: «Басня, – пишет он, – состоит в том, чтобы через посредство маленьких аллегорических картинок грациозно представить безжалостный мир» [5, р. 7], в котором ничего не изменилось с древних времен, но прошедшие века привнесли определенные нюансы, и «сегодняшний баснописец, возможно, видит некоторые детали, невидимые во времена Людовика XIV» [5, р. 8].

Одной из характерных особенностей данных дютуровских произведений является использование в них традиционных сюжетов, но с обязательной привязкой их к социально-политическим, философско-этическим или духовным реалиям современной

действительности, что касается и рассматриваемого произведения писателя – «Закат волков», хотя определение жанра требует уточнения.

В первой своей публикации, в сборнике «Закат волков» (1971), это заглавное произведение, наравне с другими, было обозначено как моралите. В то же время в авторском послесловии на задней обложке сборника «Жемчужины и свиньи» – «Les perles et les cochons », 2006, помещенные в нем произведения названы «баснями в прозе». Однако по объему и сюжетно-композиционной структуре данное произведение больше тяготеет к короткой новелле, поскольку в отличие от басни имеет ярко выраженный парадоксальный сюжет, достаточно развернутые характеристики персонажей и размытый моральный вывод. Дютуровское произведение значительно превосходит традиционный басенный объем (от нескольких строк у Эзопа до одной-полутора страниц стихотворного текста у Лафонтена и Крылова), имея в среднем от четырех до семи страниц прозаического текста. Также персонажи, в основе которых лежат эзоповские или лафонтеновские сюжеты, получают достаточно развернутую портретно-психологическую обрисовку, что не присуще канонической басне. Это характерно практически для всех дютуровских басен/моралите, в особенности для таких его образцов, как «Pas de zèle» («Не надо усердствовать»), «Le Crépuscule des loups» («Закат волков»),

«Закат волков» представляет собой переосмысление сюжета известной басни Эзопа – Лафонтена – Крылова «Волк и ягненок». Для более полного анализа вспомним эзоповский протосюжет: «Волк увидел ягненка, который пил воду из речки, и захотелось ему под благовидным предлогом ягненка съесть. Встал он выше по течению и начал попрекать ягненка, что тот мутит ему воду и не дает пить. Ответил ягненок, что воды он едва губами касается, да и не может мутить ему воду, потому что стоит ниже по течению. Видя, что не удалось обвинение, сказал волк: „Но в прошлом году ты бранными словами поносил моего отца!” Ответил ягненок, что его тогда еще и на свете не было. Сказал на это волк: „Хоть ты и ловок оправдываться, а все-таки я тебя съем!” [3, р. 214]. Басня показывает: кто заранее решился на злое дело, того и самое честное оправдание не остановит.

Здесь так же расширен объем текста до четырёх с лишним страниц; дана выразительная портретная характеристика волка и комически окрашенная характеристика ягненка; явная перевернутость исходной басенной ситуации (ягненок представлен активным деятелем революционного движения баранов, который, завидев мирно пьющего из реки матерого волка, запрещает ему пить из якобы принадлежащей баранам реки и требует немедленно убраться под угрозой применения международных санкций). Есть в дютуровском тексте новеллистический пуант (волки после происходящего инцидента

вынуждены укрываться в своих логовах от общественного осуждения) и иронический финал, модифицирующий традиционную басенную мораль.

Мы видим классическую жанровую матрицу басни в прозе: короткий прозаический рассказ аллегорического характера; сжатый событийный ряд, лишенный всякой детализации и описательности; четко сформулированный в конце рассказа моральный вывод. Вариант этой басни у Л. Н. Толстого практически сохраняет эзоповскую структуру; меняется только слегка мотивация последней реплики волка, которая звучит следующим образом: «Тебя не переговоришь. Так я натошак зато и съем тебя» [3, р. 383]. Однако в толстовском варианте полностью снят такой важный элемент басни, как мораль.

В отличие от эзоповского варианта басни, ее лафонтеновская и крыловская версии (которые очень близки в структурно-содержательном плане) являются баснями стихотворными и творчески переработанными. Так, мораль, традиционно завершающая поучительную историю и располагающаяся в самом ее конце, в басне Лафонтена и Крылова помещена в начало рассказа:

У сильного всегда бессильный виноват:

Тому мы тьму в Истории примеров слышим;

Но мы Истории не пишем;

А вот о том как в баснях говорят [1, с. 20].

Здесь мораль не только вынесена вперед, но она приобретает совершенно иной, в сравнении с эзоповским, смысл. Речь в данном случае идет не об индивидуально-личностной склонности человека довести до конца задуманное недоброе дело, а поднимается на уровень социально значимого и экзистенциального явления. Кроме того, значительно обогащается художественный мир повествования за счет детализации самого события: дается характеристика погоды («Ягненок в жаркий день пришел к ручью напиться»), состояния Волка («голодный рыскал Волк»; Волк «кричит», гневается). Усиливает эффект рассказа и комически звучащая мотивировка вины Ягненка: «Ты виноват уж тем, что хочется мне кушать» [1, с. 21].

Однако, несмотря на указанные различия, во всех этих вариантах схема и последовательность событий эзоповского протосюжета, равно как и типы персонажей и их взаимоотношения изменений не претерпевают. Совершенно иную структуру сюжета мы наблюдаем в варианте Дютюра, характер переосмысления в котором определяется модусом

комического, обусловленным прежде всего домыслом писателя (о чем говорит само название: «Закат волков» вместо «Волк и Ягненок») и переводом в комическую ипостась образа ягненка. В свою очередь это ведет к перевернутости сюжета и вытекающим из этого комическим ситуациям. Перевернутость традиционного сюжета заявляется уже в первой фразе дютуровской версии эзоповской басни. В ней не волк видит пьющего из реки воду ягненка, а, наоборот, жажду утоляет сам волк. Причем сообщение об этом сопровождается достаточно развернутым описанием персонажа: «Это был старый с белой шерстью волк, на счету которого числилось множество славных деяний. Возраст слегка утомил его, слегка отяжелил, но он по-прежнему был красив, с благородной осанкой, задумчивыми глазами и еще со всеми своими зубами» [6, р. 143] (Здесь и далее перевод наш – Е. Ф.).

Только после этой фразы на сцене появляется ягненок, описание которого дается в явно комическом плане, в котором подчеркнута краткая контрастная характеристика внешнего портрета персонажа сопровождается насмешливым перечислением его достоинств: «Он был весь черный, поскольку происходил от черного барана и черной овцы (напомним, что волк – белый. – Е. Ф.). Он состоял членом „Революционной ассоциации баранов” (РАБ), „Лиги прав овец” (ЛПО), „Объединенной партии баранов” (ОПБ). Это было юное животное с самым великим будущим. Он выступал на всех собраниях в овчарнях, расположенных в восьмидесятикилометровой окрестности и объяснял баранам данного края, что пришло время баранов. Он обладал исключительным ораторским даром. Его речи электризовали овчарни. Его мстительные разглагольствования вызывали энтузиастические „блеяния”. Благодаря ему и нескольким баранам его закалки, народ баранов начинал осознавать свои силы» [6, р. 143-144].

Трансформация традиционно жертвенного персонажа в персонаж явно комический коренным образом меняет каноническую ситуацию. Возникает эффект парадокса. Уже не волк предъявляет нелепые обвинения дрожащему ягненку, а с обвинениями на мирно настроенного волка обрушивается юный ягненок – пламенный борец за бараньи права. Его страстные обвинения смешны, поскольку в сущности абсурдны. Уже с первой невинной фразы миролюбиво настроенного волка ягненком овладевает гнев, усиливающий комизм его обвинений. На удивление волка, выразившееся в осторожном возгласе: «О, черный баран!» ягненок раздражается (буквально: «Он взревел») обличительным поучением: «Вы должны были бы сказать, невежа, „цветной баран!”» [6, р. 144] (аллюзия писателя на пресловутую проблему политкорректности, характерную для политической жизни Запада во второй половине XX века).

Агрессивность ягненка по мере развертывания пространного диалога (что не характерно для басни) между ним и волком нарастает, несмотря на примирительную позицию последнего. Волк все время извиняется, просит прощения (за свою устаревшую манеру выражаться – по поводу «черного барана», обещает на будущее исправиться), обращается к логике разумных доводов, пытаясь дать понять ягненку, что единственный в округе ручей, из которого пили всегда все его предки, является общественным достоянием и должен принадлежать всем. Но воинственный ягненок категорически запрещает волку прикасаться «своим грязным рылом» [6, р. 144] к водам реки, поскольку прошли времена «когда на земле господствовали волки, а бедные бараны подвергались всевозможной эксплуатации» [6, р. 144]. Теперь же река, с гордостью заявляет ягненок, национализирована «прославленным народом баранов, освободившимся от рабства и уверенно идущим к блестящему будущему» [6, р. 144-145], а бараны, получив политическое образование, больше не боятся волков, поскольку обрели равенство с волками. Ягненок в дерзкой манере делает последнее предупреждение волку и, в случае отказа волка убраться, угрожает ему обращением в «Организацию объединенных животных» (комическое переосмысление Организации Объединенных Наций) с жалобой «на нарушение территориальных вод, явный акт разбойного нападения и открытия враждебных действий» [6, р. 145-146].

В душе униженного несправедливостью и выведенного из терпения волка пробуждается забытая гордость и он «ледяным голосом» [6, р. 146] советует ягненку убраться прочь в течение тридцати секунд. Перед традиционной развязкой (волк набрасывается на ягненка) Дютур вводит еще один комический эпизод: в ответ на требование волка убраться ягненок выкрикивает: «Жить свободным или умереть» [6, р. 146].

Таким образом, мы видим, что дютуровский вариант переосмысления традиционного сюжета басни о Волке и Ягненке выполнен в модусе комического. Комическое здесь представлено достаточно широким спектром своих разновидностей. Прежде всего – это комизм одного из персонажей, Ягненка, поведение которого, само являясь комическим, порождает комическую ситуацию в целом и различные ее проявления в частности. Комизм персонажа ведет к парадоксальному построению сюжета, к его комической перевернутости, где на определенное время жертвой несправедливости, обвиняемым, становится традиционный обвинитель – Волк. Это двусмысленное положение персонажа определяет и ироническое название произведения Дютура – «Закат волков», ироническое, поскольку в итоге восстанавливается исконная ситуация: волк поедает ягненка.

Модус комического реализуется также за счет комизма наименований политических партий и объединений («Объединенная партия баранов», «Революционная ассоциация

баранов», «Лига прав овец», «Организация объединенных животных»); комизма шаржированной политической лексики («пришло время баранов», «цветной баран» (вместо черный); «национализация реки прославленным народом баранов»; комических эпитетов («блеющее будущее», «объединенные животные»).

Комический модус повествования повлек за собой и трансформацию финального басенного элемента – морали. У Дютюра эта часть достаточно развернута и пространна, она оставляет широкий простор для раздумий и неоднозначных выводов, которые затрагивают широкий спектр современных реалий, как социально-политических, так и философских.

Моральные уроки исходных образцов под пером Дютюра приобретают иную оценку, чаще всего противоположную канонической или существенным образом ее корректирующую. Ж. Дютур, переосмысливая традиционные сюжеты о жертве и насильнике, слабом и сильном в модусе комического, наполняет их современными реалиями социальной действительности и придает им актуализированные смыслы современной истории (массовые движения обездоленных, различные объединения левого толка, мораль и незыблемость права сильных мира сего и т. д.). Также отмечается наличие достаточно развернутой портретно-психологической характеристики персонажей у Дютюра при предельном лаконизме или даже полном отсутствии таковой в канонических баснях. Повествование переведено в насмешливо-иронический модус, в сюжетную структуру включен новеллистический пуант и иронический финал.

Все эти модификации, взятые в совокупности, разрушают исходную басенную модель и создают новую жанровую разновидность, которую условно можно назвать «басенным парафразом новеллистического типа».

Список литературы

1. Крылов И. С. Сочинения: в 3 т. – Т. 3. Басни. Стихотворения. Письма / И. С. Крылов. – М. : Худож. лит., 1946. – С. 20–21.
2. Михилев А. Д. Жан Дютур: меня начнут обожать после смерти / А. Д. Михилев // Дютур Ж. Воспоминания Мэри Ватсон : Романы, рассказы / Пер. с фр. и вступ. ст. А. Д. Михилева. – Х. : Фолио, 1999. – 398 с. – [Вершины : Мастера].
3. Эзоп. Басни / Эзоп. – М. : Изд-во Эксмо, 2004. – 448 с. – [Антология мудрости].
4. Carrère d'Encosse H. Hommage à M. Jean Dutourd [Электронный ресурс] / Hélène Carrère d'Encosse. – Режим доступа : http://www.academie-francaise.fr/immortels/discours_divers/

5. Dutourd J. Les perles et le cochons /Jean Dutourd. – P. : Plon, 2006. – 218 p.
6. Dutourd J. Le crépuscule des loups /Jean Dutourd. – P. : Flammarion, 1971. – 234 p.
7. Galey M. Dutourd : retours aux envoyeurs / M. Galey // Express. – 1981. – № 1580 (23 octobre). – P. 25.
8. Géoris M. Jean Dutourd / Michel Géoris // La Revue de Paris. – 1969. – № 9. – P. 33–38.
9. Leconte B. Quelques coups de burin pour la statue de Dutourd / Bernard Leconte. – P. : Plon, 1997. – 137 p.
10. Paucard A. Dutourd l'incorrigible / Alain Paucard. – P. : Flammarion, 1997. – 153 p.